

В третьем часу ночи подает голос пес. Это не пес. Он скачет за стеной на уровне моей головы. Это не стена — окно, заложенное паралоном. Сквозь покрывало сна прислушиваюсь к хорам москитов. Где-то по булыжнику скачет ручная тачка. Встаю и выхожу наружу. Дым вчерашней кремации не отлетел в небеса, не уплыл по течению вниз, повис повсюду вперемешку с речным туманом. Собачья истерика, кажется, закончилась. На воду спускают продолговатую вещь, может быть труп? Прихлопнутый комар дает сдачу. Духи или люди из низких каст веселятся внизу у костров. Кто-то невидимый плещется в Ганге. Крашенная известка осыпается. (Мы никогда не встретимся больше, но я рад, что ты это читаешь.) Над койкой — календарь со слонем за счастливый семнадцатый год. Трехполостной вентилятор висит неподвижно. За пыльной клеткой два благочестивых изображения Бога с Богинями и символическое полотно: солнышко подмигивает и уплывает по диагонали за угол, драпированный под германскую имперку. В изголовье — календарь на хинди неизвестно за какой месяц и который год, благоприятные дни помечены знаками, которые я, неграмотный, принимаю за буквы урду. Алхимические треугольники соли и перца. Повсюду стойкий запах плесени. (Надо пожечь палок). Судя по звучанию, кто-то испражняется прямо сейчас под окнами в метре от меня. Проводка снаружи из-под паралона провисает под потолком, далее щиток колониальных времен, двери в прихожую, она же кухня. Там мы едим на бетонном полу. Стены цвета куркумы поросли орнаментом, лиана лезет к резным розеткам, ржавяющей арке зеркал на отворотах кривой двери, но как рассказать про ангельскую легкость общения двух монахов?

В пять начинают кричать подростки-семинаристы. Я не замечал у них ни одного мобильного телефона. Беготня, затем исполнение ведических гимнов в ритме переключки мангуста с сорокой.

Просыпаюсь от звуков благочестивых песнопений. Один из двух ангелов носится в лучах зари, обильно кропит водою полы святилища, умывает Богов. Будьте блаженны! Святые столбы умощены, на каждом - белый воронкообразный цветок, названия которого мне так и не удастся узнать.

Вот он, немеркнувший Восток. Розы бледнеют. Трепещет струна. Птицы летают по-две прямо. Вот он, рай: цветочные венки и козы. Тысячелетняя плита еще холодна, долго не усидишь. Здешние коты похожи на дворовых европейских, но более ушасты и морда дикая, худощавей и грациозней. Семинаристы-брамины пускают в мартышек самолеты, сложенные из санскритских тетрадей. Времена расслогласовываются. Трудно улавливать черты обезьяны в прыжке. Вот одна ухватила временнóую лиану, раскачивается как маятник головою вниз, передние лапы врозь. Их время розовое, как младенец. Я лежу на незнакомой крыше под перистыми дутыми облаками. Я лежу под небесами слоновьего цвета. Ушли обезьяны, ушли...

Полдень — золотая оса переросток.

Или начать с того, как сторожил коляску велорикши посреди трущоб? Извозчик потерялся уже три четверти часа как во дворах, дело, мол, побудь, брат, покарауль... Чтоб не скучал, выдал бутылку пива, обернутую грязной тряпкой. Познакомились мы в чайной. Приземистый, поджарый, темнокожий ставит на середину столика тарелку с тостами и омлетом.

— Угощайся!

— Это не мой заказ!

— Не твой, я угощаю.

Отрываю руками кусок. Он — другой.

— Человек я маленький, — так, с вызовом произносит, — нет проблем! Но сердце у меня большое!

— Как тебя зовут?

— Рауль. Опиум нужен? Семь тысяч рупий — десять грамм. Ну пять, берешь? Нет? Тотчас под мою ладонь появляется сероватая масса. Отстраняю руку. Рауль накрывает опиум этим вот блокнотом.

На часах прохожего без четверти четыре, а я еще коляску караулю, благо заехал в тень от светодиодной панели. Одна из ламп мерцает невпопад шафранным излучением. Солнце за спиной — не оборачивайся! Опиумный сироп — клей вещей, клещ, ключ, а фоном — взаимовраждебные течения, замедляющиеся до спазма. Расскажи как жить, и буду за жизнь цепляться, как цепляется обезьяна за что-то там...

Рауль появился со стороны противоположной той, куда уходил.

В чайной мы распрощались, но столкнулись через час снова в другом квартале. Он катил велоколяску, а мне грустный чистильщик ушей чистил ухо. Выпьем, говорит, по-бутылке, мы разные но сердца... Я сажусь в коляску и вот... Он, с Гималаев, по-вере скорее буддист, но и индуист. Сам оплачивал собственное образование. В школе его называли Раулем и научили говорить "je m'appelle" и „Dieu te bénisse“.

— Думаешь, я похож на бездомного? Выгляжу так только, а у меня есть и дом и семья! Что наркотню катаю — это ради детей! Сердце, помнишь про сердце? Теперь к массажистке, чтобы жилы твои поразмяла!

На одном из перекрестков коляска круто тормозит.

— Вот она, моя семья! Это наш магазин!

Под навесом из платков и флагов на тротуаре сидела женщина в охристом сари. Вот сын и две дочери, одной десять — вертикальный ум, другой пять — ах, здесь в Индии не поймут, что значит для меня, северянина, солнце! Про супругу Рауля скажу так: улыбка её светлая и, знаешь, читатель, чистая!

К массажистке? Хорошо, проводник, доверяю... Приехали в заведение: повсюду лилово-розовые блески, а массажистки, ну — шмары, и преискурант втрое выше озвученного. Нет, Рауль Большое Сердце, нет! Бай-бай! Бежит за мной. Есть дело к тебе, Рауль, я заплачу, вот купюра, а дело серьезное, так что выполни основательно: чтоб я больше тебя не видел!

Ясно, я для него — бессмысленный белый декадент. В нашей расе, положим, вополотились духи асуров. Мог ли бы я по-европейски сказать: „Рауль - нет денег — не плоди потомство“? Не смог бы. Дети эти столь прекрасны, на них очевидно действие благих сил, превосходящих человеческое. Тем хуже, Рауль, для тебя, да и просто много хуже! Тем и буду, за кого ты меня считаешь, белым демоном, декадентом, портящим космос.

~>)~ ~ ~

Шесть. Организм после берлинского переутомления отсчитывает минуты, лишь бы поспать. Спрятанная в подкладке долька сильнодействующего снотворного пропала. На поверхности рта — послевкусие печального авиационного пайка. Всё тянут подать трап. Лопасты перегоняют туман, отдающий травяным перегаром,

сквозь который плывет раскаленная монета. Я не понял ещё, что это делийский смог, и звуков здешних не различаю, но слышу: турбины кричат по-птичьему. Охранник у рамки металлоискателя касается меня осторожно, так брат будит брата ото сна, зато метро увозит не туда, в вагонах нет карт. В этот час станция Нью-Дели немногочлюдна. Подзываю мальчика-рикшу, а по прибытию, куда хотел, угождаю в лапы зазывал: вот позолоченный номер за две тысячи с половиной, внизу есть и за семьсот: плюс плесень, минус окно. Отель „Дворец Могола“. Ах, пожалуй стоило сразу брать поезд, не потерял бы сутки, так что вычеркиваем сутки. В тексте „Чай-Гора“ поезд забирался, пишу по-памяти, на возвышенность поросшую змеинным деревом. Рептильной ворожкой я не овладел вполне. Изыскания продолжаться в Ассаме и окружающих горных штатах Северо-Востока. Деревья там чайные. Снова поезд. Снова появляется разносчик чая. Заказываю один стакан. За прошедшие три года страна урезала потребление одноразового пластика, так что стакан картонный. Мусолю индийские деньги правой рукой, стакан в левой сминается, кипяток брызжет по сторонам, левое колено напрочь ошпарено, но откуда на волдыре пара ровных язв, будто от змеиного жала?

↑(` ^ ´ #)...≡(*.*)≡

Надо купить сим-карту. Пока разговоры да активируют, послали мальчика-продавца за чаем.

— Германия прекрасная страна, почему Вы в Индии?

— Так и Индия же...

— Для прекрасного человека все прекрасно!

А вот и прекрасный паж с чаем, налитым в пластиковый кулёк!

— подари мне немецких денег! Нет, монет не надо, бумажку!

Любопытно. Протягиваю пятерку.

— сюда заходили туристы, французы, плохие люди. Мне много иностранных денег дарят! Они хотели плохих вещей, — Прицельный огонь!

— Ты понял что?

Ухмыляется. Сколько ему? Семнадцать?

— Чего ж непонятного?

— И что?

— Любовью заниматься?

— Нет, не любовью. Ебаться. Но я не стал.

Налички для активации не хватало. Нахожу ближайший банкомат, продавец снаружи ожидает. Не успеваю отсчитать сумму, подбегает пожилой господин в шафранных облачениях, начинает скандалить. Не такой, как все, очевидна тысячелетняя порода. На пунцовых губах пена: что за деньги я юноше даю?

— Что?

— За сим-карту.

Ночью во „Дворце Могола“ зазвонил телефон. Нет, не ночью, просто я такой усталый. Часов в десять? В одиннадцатом?

— Откуда у тебя мой номер? Какое гулять? К десяти утра должен быть уже на автовокзале! Да, хочу спать! Бай-бай!

Паж появился на автовокзале.

— Come on, — кивает он на автобусные останки за засраным пустырем, — people do it everywhere!

Было семнадцатое марта двадцатого года. В этот день умер Эдуард Лимонов.

Ну, как в русской книжке? За окном пролетали пугала, козы, посадки рядами, прямоугольники высыхающих огородов, вечные поля и никаких пальм, высокая осока и ложная акация — нет, вот пальма! Сверкают белками исподлобья крестьяне, ходят по воду. Пруды тоже прямоугольны, горы выглядят по-азиатски, вот и горы! Рисовые плантации, рыболовные фермы, уже восточная Азия, Брахмапутра серая и бескрайняя, слоя намытой глины. Верхи дымно розовеют, а по низинам стелится ночь, темно-лиловая, как шаровары той девочки, что кувыркалась по полу автобусного салона. Пасутся свиньи: черные и пятнитые — здесь живут христиане.

(·_·)(·_·)(·_·)(·_·)(·_·)(·_·)

Не важно, где он к тебе подойдет, ну на рынке. (В щель прошмыгнул мангуст с мышью в зубах.)

— Нет, в лавку не желаю, хотелось бы осмотреть святилища!

— С неиндусов берут за вход шестьсот, но тебя проведу бесплатно. Зачем вовнутрь? Снаружи все покажу! А потом в лавку, зачем покупать? Только посмотришь... Ты откуда?

— Германия.

— Столица? Токио? I don't speak English. ... окончил только четыре... восемь... классов...

— Кем работаешь?

— Огородник. Везде. Мясо ешь? —, покачивает головой, — Я ем только фрукты, овощи, молоко и траву... Что за шнурок на шее?

Храм сторожат автоматчики. Их основная огневая точка за золотым куполом. (Опять мангуст.) Спускаемся мимо огромной рыжей Богообезьяны к Девяти Планетам. Селестиальные колонны увенчаны сферами, но не как у масонов, над глобусами верхом на ездовой твари по фигурке планетарного гения. Компаньон торопит, зовет в лавку своего наставника. Наставник подбирает каждому аромат по звезде гороскопа.

В прихожей у мастера мычали коровы, то есть прямо за дверью огражденный расписным частоколом хлев. Вышел хозяин, худой, в четко прописанных пальцах книжка стихов русской последовательницы. Прекрасное ассиметричное лицо. Разговор был ясен и легок, как сандаловый дым.

На следующий день я снова встретил своего проводника, но тот меня не узнал. Та же рубаха в мелкую клетку, черные от табака зубы. Он стал расхваливать непальский гашиш.

— Не курю.

— Вчера я был на огородах, может быть, тебя водил мой брат близнец? О торговце благовоньями ничего не слыхал, да и нет тут такого, знал бы... Я буду называть тебя Кришной! — (на мне майка под павлинье перо), — Главное: чистое сердце и добрая карма! Доброе сердце и чистая карма...

— Таааак....

— Ты бывал в ашраме агхори? Не знаю, зачем (... тааак ...), но должен провести тебя, как ты когда-то... О деньгах забудь! Это не первая встреча... благие знаки! Ты какой веры?

— Христианской.

— Христиане претворяют вино в кровь, а агхори пьют и кровь и вино!

Мы прошли квартал мусульман-прядильщиков, угощаясь жевательной смесью табака, орехов и неизвестной кашицы в пряных листьях. Монастырь, ну так... По мне — богадельня, пожалуй только карпы в пруду хороши...

— Я чувствую, — говорит, — да ты чувствуешь и сам, тут, в прошлых воплощениях...

Под недостроенной бетонной крышей валялись мешки с рисом.

— Благая карма, — говорит, — Накормить нищих. Зачем деньги? Никаких денег! Надо купить рис! Сто киллограмм? Пятьдесят? Отведу в лавку, там купим сто киллограмм — восемьдесят тысяч рупий.

Цена была бесстыдно завышена.

— Мне нужно в уборную, минуту!

Где-то взвизгнула обезьяна, как ослабшие тормоза. Я убежал. И сразу меня обманула принцесса лет семи, божок с глазами, как ночь на Венере. Подошла попросила пакет сухого молока. Я купил и отдал ей, она застеснялась и убежала, пряча пакет под подолом, сдавливая улыбку в зубах. Потом они молоко перепродают за пол-цены тому же торговцу. Трюк известный, так промышляют мадонны с обсаженными барбитуратом младенцами на руках.

(,◉,;益;,◉,)\Ψ

Меня зовут Индраджит. Люди, ну не хватит ли? Мартышка вскарабкалась на минарет.

Рома Ч. говорит: „мы для местных не то чтобы демоны или полубоги, мы — эпические герои“. Возможно, так оно и было когда-то, пока не стало ясно всем: они могут все, что умеем мы: тыкать в тачскрин, а нам их умения недоступны.

Женщина в огненном сари набила чугунный утюг углями и глядит на меня в упор.

Если из „Циклопедии“ Негаристани повычеркивать все заумности, останется предельно простой сюжет: агенты лемурийской хтони отложили в тело арийского культа болезнетворную личинку монотеизма.

Равана изначально не был злым, он напоролся на проклятье, как дичь на охотничий крюк. Равана стал демоном, а род его и соратники — сплетением взаиможалящих гадов. Правда, ракшасы низвергли Богов, разорили Небеса, покорили Землю и Преисподнюю. Гордый Равана дразнил Нанди, быка Шивы обезьяной.

— Ты обезьяна!

Нелепая, жалкая, постыдная, абсурдная обезьяна. Отсюда-то и прилетело проклятье: не людские армии сокрушили мощь демонов, не боги с титанами — обезьянья раса.

с левой ладони на правую - с правой на левую

трижды трижды трижды

рис простой рис цветной

поливать речной водой и другой

верхом на цветке (Письменность, как осадки. Под тропическим дождем шумят зеленыя.)
кому фрукты кому сласти деньги цветы блески красоты?
что ты делаешь, абсурдная обезьяна? чем ты была всю жизнь занята?

Ψ(☆ w ☆)Ψ

На этом месте в блокнот занесена фраза „НЕГАТИВНЫЙ ПАНЦИРЬ ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЯ“.

Начинать такое следует затемно. Краски, сласти и благовонья — вот что мне велено спускать в крипту. За день до того я выгреб гниль из-под алтарей, высушил подстилки на солнце, передвигал черепа, мыл каменный пол и еще раз начисто. Ритмично мигают лампы: синяя, как в детстве для прогревания, чернильно-фиолетовая, под цвет моего неба северного, а красная и зеленая — простые цвета, со светофора. В синем свете бархатцы у моих ступней выглядят черными, розы — лиловыми. Вторая гирлянда, под розами, заплесневела. На куколке-Богине надеты алые юбки поверх серебрянного наряда. Горшки с прахом поставлены в столбик один поверх другого, со столбов свисают блестящие нити, остатки перегнивших гирлянд. В чаше из человеческого черепа — свежий мёд.

Мне снилось: выставляю ладонь наружу, собираю в пригоршню дождевые капли. Они жесткие: молекулярные цепи формируют фортификационную конструкцию. Мы быстро карабкаемся по строительным лесам, мартышки-пауки. Леса со стуком качаются, не падают.

Лобные кости разложенных в ряд черепов помечены карминной помадой. Когда мигает зеленая лампа, кармин становится золой, а охряные, серо-желтые венки из бархатцев на черепах отсвечивают красным, мимикрирующим под черный. Маленькие Боги запутались в венках. Трава для слона, молоко и мед им по колено. Розовый? Тут цветам не доверяешь. Вторая Богиня скрывает лик в глубине латунного реликвиария. Алтарь из восьми столбов праха, и еще один. Дары на месте, мыши не сожрали. Сейчас приходил монах, разложил крысиный яд. Нет, не забыл я ни ладанку ни курильницу.

Посмотрел я на солнце ваше, на ваши звезды. Пора бы и домой, туда, где сияют болота. В темноте мы с вами и встретимся, приглашаю!

Череп да бананы. Сверху багровая краска, а понизу этот индийский цвет, как его, шафран?

ॐ

Уже должен был быть на вокзале, спрашиваю моторикшу, далеко ли?

— Вы велели к буддийскому храму!

И сразу дорогу перегородила процессия: спереди заговорила труба - золотой слон, закричал барабан — триумфатор с добычей, а по середине — оранжевое гало: духовный князь, и знамя над головой! Благочестивые старушки по сторонам дороги закланялись быстро и часто.

Здесь протягиваю мост между слоном и вокзалом, где продается холодная кола, но трудно что-либо понять, спрашивать у патриархов и нищих, пастухов... В бюро станционного смотрителя галдят пять или семь мужчин в униформе.

— Откуда отходит поезд на Гувахати?

Старшина (пусть будет старшиной) машет рукой и орет:

- Вот Бог! — тычет в картинку за моей спиной. Все поняли, что я чего-то не понял.
- Откуда отходит поезд на Гувахати?
- Там! — указывает на перон жестом „пошёл вон!“

В руках у контроллера список пассажиров на древней факсовой бумаге, родственной газетной. Из ниоткуда вылез ребенок и стоит над душой. Не хотел подавать, но настойчивость, как в Евангельской притче, возымела силу. Протянул десятку и пацан прыснул прочь.

— ... здесь им побираться запрещено, — кивнул сосед по скамейке, как оказалось, молодой учитель английского, преподает в провинции. С ним супруга, опустила глазки на буклет о пользе девичьего образования для национальной эмансипации. Как что с йогой в Германии? В ответ на просьбу назвать любимых английских авторов стал перечислять индийские имена.

炎炎炎炎☆ 卜 (o ` ▽´)oΨ

За ночь до праздника Холи я проснулся от частых ударов басовой бочки. Техно в священном городе? Еще вчера каждый покупал угощения, краску, алкоголь. По углам и на перекрестках в полтора человеческого роста загорались костры из досок и старого хлама. Последним запалили ближайший от нас. Холика, ведьма, да пусть святая, рассказывает разное, правда одно: взоры, брошенные ею на племянника из пламени затмевали пекло. Обряд сожжения служил статный брамин, а десятилетний служка, бормоча благословения, подкидывал в огонь пигменты, жертвенные сладости, брызгал масло. Денег — нет, не видел чтоб бросали деньги.

Сегодня на кремационных площадках начинаются танцы. Юноши, измазанные белым прахом, пляшут, как неживые, над кострами. Один подошел ко мне, сорвал солнцезащитные очки.

— чего зубы не чистишь?

Положил руку на плечо. Я отобрал очки, высвободился из объятий. Деньги на месте.

Как описать город, умытый краской, утренний его разгул? Меня слабило, требовалось закрепляющее средство, но аптеки позакрывались, мало ли что? По обезлюдившим переулкам туда-сюда шатались мокрые размалеванные толпы. Кто-то полез обниматься, моя новая золотистая сорочка пошла лиловыми пятнами — хорошо! Опять очки! К слову, с очками у людей — обезьянье, мартышки принимают пару кругов на физиономии за пристальный взгляд хищника. Нам повстречался веселый патруль: дубинки и карабины наперевес, униформа в цветных подтеках — дети на балконах шмаляют краской из брызгалок. Под пьяные возгласы над головами плывет человек. Играет ли он Шиву? Холику? Я не знаю священных ролей. Землю Индостана истоптали Дионисовы полчища сатиров и пантер! Мои копыта знают, как танцевать Марсельезу! Мы не играем роли — роли играют нами! Ба — бам!

Так угодил я под красочный дождь. Мальчишки отмывают в Ганге пестрые пятна. Помню корову с лиловой мордой и собаку, шерсть в в розовых и зеленых разводах, она грелась у костра. Врядли найду сегодня Храм Махавидий. Дальше скакать по пёстрым лужам человеческой и коровьей мочи! Розовые кисти над дверью, луны — не кисти.

Темная. Бенгалка что-ли? Волосы растрепанны, соски из под намоченной краской майки торчат. Так тут не ходят. Смотрит дико.

Да!

— Happy Holi!

(/≧∇≦)/ · '❀❀❀❀❀❀

Пишу карандашом, у меня два одинаковых, один из них - ворованный. Я поднимался на Чай-Гору. Я водил алый хоровод. Я спускался в священную пещеру. Я коснулся вечного омота. Все сбылось, но не так. Я рад, что ты это читаешь. Мы никогда больше не встретимся.

、' (≧∇≦) '、

Встать в шесть, в семь уже на улице, ключ брошен на пустую стойку. Последним, что занес в блокнот, были скрипучий вентилятор, желтые стены, москиты, влажные простыни в номере над продуктовым рынком. Вчерашний консьерж, подросток, разговаривал со мною, будто меня нет. Не приживается на высотах изощренная манера вытягивать деньги. Комнаты, видимо, в собственности буддистов, не держат мурти в вестибюле, только колесо.

Пересекаю железнодорожную ветку, но вокзал не там, куда вела карта. Направление подсказал мусульманин, балансировавший с перекладной наподобие коромысла через плечо гроздьями привязанных за ноги живых кур. Желтые глаза птицы странно дергались.

— Шиллонг, закричал водитель маршрутки совсем рядом, Шиллонг! Я залез в кузов. Казалось, у водителя по мере подъема удлинялась глазная щель. Я стал слабеть от кислорода, убаюкиваемый скачками тойоты. Помню только, вверх по косогору карабкался лесной пожар.

А что Шилонг? Тут появляются женщины, но Индия теряет сходство с собой: товары на развалах - не сказка в блестках, а глобальный стандарт, спорткостюмы бангладеш-пошив, малайзийская электротехника. Такою и должна быть Азия: без лишнего пространства между домами, реклама, реклама, как урбанное украшение. В люк ныряет крыса, на ходу спит героинщик, но треша меньше, чем внизу: ни трупов, ни дерьма с обманом за каждым углом. Чай в Шилонге, скажу, наивкуснейший. Черпают они его из котла раскаленным горшком, сдобривают секретной приправой и подают в другом горшке, не горячем.

На этих холмах конусообразных проживают добрые христиане. Англиканский собор, постройки времен Киплинга, напоминает изнутри шотландский галеон, благо ландшафт в Шотландии так же холмист. Озеро — аквамарин в обрамлении иррегулярного парка. Отцветающие камелии отражаются в воде и ветер гонит по поверхности опавшие лепестки.

Через двадцать минут отходит рейс на Нагалэнд. Меня преследует попрошайка:

— Я проведу тебя на автовокзал, а ты дашь денег!

— С чего бы я дал тебе денег?

— Немного, пять рупий.

Молчу. Проходим мимо продавщицы бетеля. Протягиваю ей купюру, чтобы разбить десятку и откупиться от убогого пятеркой.

— Не надо, угощаю!

Покупает мне орех и исчезает.

(;)

Реки тут не смердят. Автобус перед нашим транспортирует кадетский корпус, будущее командование. Патруль протягивает ладони сквозь решетку, шутливо замахивается на курсантов дубинкой. Прощай, милый Шилонг! Прощайте закрытые английские сады! (Танк на выезде.) Между тем темнеет, ночевать, похоже, придется черт-те где. Далее заборы из мятой жести, вместо калитки — дверца от автомобиля. Женщины несут на головах снопы веником. Вязанка одной столь громоздка, что скрывает бабу полностью. Стелется суглинок под цвет верхней полосы индийского флага... Закончилась сосна, снова рисовые болотца перемежаются зарослями бамбука. В небеса торчит арматура вечного индийского недостроя. Пассажир напротив транспортирует поверх горы тюков горшок с фиалкой.

Утро....

Розовый диск Митры полощется в молоке, нет, Гаятри-Мантра, говорит „в варенье“. Двое мешочников лежат на полу автобуса, обнявшись. Так обнимаются любовники. Come on, people do it everywhere! Чуть менее часа тащимся сквозь многокилометровую агломерацию крытых бамбуком бетонных хижин. На выезде — автоматчики в гражданском. Повсюду следы христианской проповеди, но некоторые строения похожи на пагоды, далее саванна, розовые цветы колыхаются вдоль дороги на длинных стеблях, опять высохшие прямоугольники разметанных в клетку рисовых болот, а от просёлка наверх — кусты одичавшего чая.

ДНЕВНИК ОБРАТНО

ПРИВЕТ ГУДИТ ВЕРТИКАЛЬНЫЙ МОТОЦИКЛ
НА ЖЕРДЯХ ФЛАГИ ЦВЕТА ПОМАДЫ ЦВЕТА ЖЕВАННОГО БЕТЕЛЯ
ЛЕМУРИЙСКИЙ КОМАР ВОСКРЕСАЕТ НА РАЗ
РУКА В ВАВКАХ САМА СОБЕРЕТ ВЕЛОСИПЕД ИЗ ЛОХМОТЬЕВ ПОЧЕРКА

Бац! Бац! - это стучал консьерж, молодой гуркх, говорил мне: запрещено покидать номер, придет офицер NSC, допросит, кто такой, зачем приехал. Наш прекрасный федеральный штат был открыт для зарубежных гостей только недавно! По горам вдоль бирманской границы еще бегают партизаны. Национал-социалистические советы.

– अच्छा, нет-нет, чужая кровь мне ни к чему!

Вчера вечером звонили с незнакомого номера, представились, что из туристического бюро:

– Где Вы остановились?

– Зачем интересуетесь?

– Где Вы остановились? - настойчиво так, по-индийски...

– В отеле.

– Каком?

– Какой нашел! не помню названия.

Гудки. Отель назывался „Шалом Иегова“ и принадлежал Церкви Прыгунов - Алилуйщиков. Я просидел пол-дня в номере, офицер не приходил, зато пришел консьерж. На этот раз выяснилось, что из-за пандемии коронавируса штат отныне и далее закрыт для иностранцев опять, а мне стоило бы поспешить на автобус рейсом до Гувахати.

Кассир отогнал меня как муху:

– No service! В автобус Вас не посадят! Ловите маршрутку!

До сего дня вирусная паника в северных странах смотрелась гротескно. В Индии было хорошо, как всегда. Куры сидели смирно в открытых клетях для перевозки. Они не пытались бежать и не квохтали, а пищали, как пицчат воробьи. Черная собака грызла отрубленные куриные лапки. У рябой суки набухшие молоком сосцы болтались при беге. Водила за рулем справа в фуфайке „Russia Wrestlings“ и леопардовом тюрбане чирикал с девушкой на племенном наречии, и вдруг произнес по-английски «biological weaponry». Росписи на местных грузовиках, как татуировки: кресты да звезды, глаза да цветы! Сумерки следовали за нами с самого перевала по пятам и настигли в Димапуре на вокзале. Во всем городе выключилось электричество, когда дали свет, я увидел женщину, правая нога, которой, костистая, деформированная была закинута за шею через плечо. Зеленые глаза смеялись надо мной. Приняв милостыню, она поползла прочь: шаг другой ногой, руки обутые в сланцы отталкивались от земли, задница – вперед! Взять билет на экспресс, взять билеты на экспресс, оттесняя меня, к кассе лезли толпы индийских пацанов, путешествующих по своим пацанским маршрутам.

Место в плацкарте помог мне отыскать юный ассамец.

– Я электрик, сказал он гордо. Родом из города на сваях на северном берегу реки Брахмапутры. Дотуда только вплавь, да плавать не умею.

На безымянном пальце он крутил золотое кольцо.

– Ты женат?

– Нет, это кольцо Богини, матушки Камакхьи.

– अच्छा!

Поездка в экспрессе тянулась около суток. По вагону проследовала юная трансушка – хиджра. Из сложенных вдоль десятирупиевых купюр она собрала веер и манерно опахивалась. Пассажиры подавали на счастье. Неровно заклепанная обшивка потолка болталась под перестук колёс и массивный вентилятор крутился лениво, разгоняемый сквозняком. Люди, крысы, обезьяны жили в мусорных кучах вдоль железнодорожных путей. В картонных хижинах дымили благовонья перед изваяниями многорукой Матушки. Фигурка в белой майке и красном дхоти пахала на буйволе. Я пытался спать, но проводник регулярно тормозил, будил, подавал то чай, то завтрак, то обед, то газету. А в газете была сплошная „корона“.

На станции Варанаси поезд остановился, где остановился. Было темно от комаров, до платформы еще пешком по шпалам. Я вскарабкался на платформу и побежал искать рикшу.

– Корона! Корона! - закричали рикши в алых тюрбанах, тыча указательными.

Ну так, шутка!

– Корона! Корона! - трещал на следующий день телевизор без остановки.

– Кор-рона! - неслоь отовсюду в шутку, со страхом, с неприязнью. Ушло куда-то лукавое гостеприимство, а за место него – напряженное внимание:

– Что делаешь в Индии?

Продавец бетеля наговаривает в телефон, телефон транслирует машинный перевод: „Русский? Наша религия – человечность“, и что-то неожиданное про Ганди и Толстого, - „По телевизору передают: дело серьезное. Завтра начинается комендантский час. Международные авиарейсы отменяются. А ты прописался бы по месту проживания, как положено иностранцам, и справочку о незаразности еще, полицейские только температуру померят“.

Я почти вернулся, но на лестнице, круто поднимающейся от набережной Ганга меня окликнул невысокий темнокожий парень.

– Тебя зовут ... ты проживаешь в ...

Откуда-то он многое обо мне знал. Разговаривая, парень вращал темными магнетическими глазами:

– Пойдем, я покажу тебе наш храм. Послезавтра я готовлю угощение для детей. Приглашаю всех на праздник. Я приглашаю, а Мама созывает.

– Кали?

– Ма! Мы не говорим Кали Ма, мы говорим просто Ма. Кровь, - сказал он, - кровь свою жертвую, Ма тоже хочет кушать! – показал царапину, – и еще из языка, – высунул язык. – Я служу Матери, я воин, ты знаешь, воин! И еще я бенгалец! Меня зовут Хариом. Во мрачном взгляде Хариома мерцали искорки опиума. Он наклонился над лежащим на мостовой больным щенком, достал крекер из початой пачки. Щенок с трудом подвинулся к корму и стал грызть крекер.

Мы углубились в кривой лабиринт, вышли на туристический проулок, еще мокрый от краски, далее подворотня, корридоры, лестница и голубой внутренний дворик.

По углам сидели люди и сосредоточено молчали. Мы разулись. Хариом повел меня анфиладами комнат, в каждой было по-зарешеченной нише с изваяниями: Кали, Тара, Лалита, Бху ба не швари, д х у м а в а т и черная или синяя высунула язык облачена в парчу и багровые цветастые гирлянды Чинннамаста безголовая покрытые слоем красной пасты ступени ступни богини простираясь мы макаем в кашицу палец и мажем лоб Хариом указал на полуподвальное окно: „здесь жила моя мама“.

Мы вышли к Гангу, сели на измазанные сухим коровьим навозом ступени и молча запалили биди.

– Тебе нужен череп? – Хариом достал из-под накидки серую костяную чашу.

– Как я его провезу в Германию?

– Я продал бы его тебе, хотя это дикша, я передаю тебе мощь... Четки, – сказал он – настоящие четки из человеческой кости. Те, что на берегу продаются – не настоящие. Настоящие надо поить кровью перед новолунием. Ты кровь человеческую пил?

Хариом улыбнулся. Я неопределенно покачал головой.

– А мясо человеческое ел? Его не съешь, как едят курицу! Я разделяю кусок на одиннадцать частей...

Хариом замахал в воздухе пальцами будто режет мясо.

– Никто не знает кто я, всё остается внутри. Когда я общаюсь с Мамой, все думают, что я безумен, а это опиум, и Мама ...

Туман настоялся на дыме погребальных костров и уходил от Ганга в тускнеющие небеса.

Мы слушали „Сумерки Богов“:

- *Was ihr begehrt, ich geb's euch: aus meiner Asche nehmt es zu eigen! Das Feuer, das mich verbrennt, rein'ge vom Fluche den Ring! Ihr in den Fluth löset ihn auf!*¹

У кого из Богов на лабрисе матовый мак? Как зовут рогатых тварей в свадебной свите Шивы в леопардовых шкурах? К ночи под потолком моей кельи накопилась живность. Я травил её газом. Сначала над головою разверзся ад, потом насекомые попадали, завершая судорожный танец химической атаки на полу, на покрывале.

- *Denn der Götter Ende dämmert nun auf: so werf ich den Brand in Wallhall's prangende Burg.*²

Дюймовый таракан тыкался мордой об стену, забраться не мог, три пары ног не слушались. Из-под моей кровати убежала крыса. *It said it was disturbed to find that 'all the seven deaths were summarily dismissed as unrelated to vaccinations without in-depth investigations ...' the speculative causes were suicides, accidental drowning in well (why not suicide?), malaria, viral infections etc.*

Нас уже сепарируют по принципу фрагментов кода, а что такое раса, если не типы кода? На лабрисе - матовый мак.

¹ Дарую вам, что вожделеете: из праха моего свое возьмите! Огонь, меня сжигающий, сними проклятие с кольца! В пучине сущие, его размойте!

² Богов погибель тлеет! Пожар я принесла в Вальгаллы замок славный!

– *Fühl' meine Brust auch, wie sie entbrennt; helles Feuer, das Herz mir erfasst, ihm zu umschlingen, umschlossen von ihm, in mächtigster Minne vermählt ihm zu sein! Heiajoho! Grane! grüß deinen Herren! Siegfried! Siegfried! Sieh! Selig grüßt dich dein Weib!*³

Утром я направился было в ближайший участок, но был остановлен детьми:

– Сэр, за углом патруль, ходить запрещено, Вас арестуют.

По возвращении на телефоне обнаружился пропущенный звонок из немецкого представительства. Пока ожидаешь соединения – в трубке звучит мотив, из тех, что играют шарманки, но в электроннике...

– Руководство эвакуирует немецких граждан двумя спецрейсами из Дели, ночью со среды на четверг, и в пятницу. Железнодорожное сообщение уже перекрыто, на дорогах патрули, единственная возможность добраться до Дели – внутренний авиарейс, попробуйте взять билет. Ночевать можете в отеле Мариотт.

Я хотел отправиться на следующий день, полетов не было, последний рейс сегодня в восемнадцать с чем-то. Билет удалось заказать по мобильному, но как добраться до аэропорта, если на улицах, запруженных некогда, ни рикш ни таксомоторов, лишь курсируют вооруженные дубинками патрули. На помощь пришел сосед, спина у него колесом, взгляд нездешний, и одновременно на страже. Он выслеживает обезьян и пуляет в них из рогатки. Рогатка всегда в руке. Транспортировать меня в аэропорт вызвался соседский родственник – великан-старшеклассник в красном спортивном костюме. Я собрался - попрощался, и мы покатали балансируя с увесистым рюкзаком. Мотоцикл тяжело поскакал в объезд блокпостов. Улицы города, повидавшего все эпидемии, почти безлюдны. (Пока, дядька.) Маски это азиатская деталь. Старшее поколение помнит черную смерть и холеру ясну. «Зимой холодно, летом жарко, иногда приходит мор».

Роман Михайлов в несколько фривольном ключе упоминает «человека-обезьяну, одержимого сущностями, живущими обычно в обезьянах». Так вот каковы сущности, живущие обычно в летучих мышах и панголинах!

Дома по дороге к аэропорту Лал Бахадур Шастри – достраиваемые поверху руины. Последний отрезок пути – пустое раскалённое шоссе.

Вылет откладывался, откладывался. Маскированные биологические единицы расползались по поверхности зала ожидания подобно равнозаряженным корпускулам на максимально возможном расстоянии друг от друга. Пошел рост кристаллов новой топографий публичного. Я заговорил с белым чуваком с рыжими дредами. Ему пришлось пожостче: неделю тому, для иностранцев закрыли хостелы, а изоляция на улице это по-факту дубинки карантинных стражей. Уже на борту от перевозбуждения приходило состояние: «не могу ни спать, ни не спать». Dark Dawn. ... и этот стеклярус под крылом и нити гирлянд: Дели подступал, как тошнота.

Отель Мариотт стоял в паре километров от терминала. Я побродил по темноте, когда комендантский час не ходит ни общественный транспорт, ни такси, а частники – стервятники дерут с пассажиров три шкуры. Отель Мариотт был закрыт, но иностранцев еще селили в Хайяте. В Хайяте мягкие ковры и горячая вода. Скалятся кубы индийского конструктивизма.

Искать протухшее солнце модерна. Тело Брахмы вписывается в пирамиду, высота которой делится на четыре равные. Верхняя четверть - золотой треугольник сияющей Дельты - ясно, да и ниже - ниже. Не на биологический

³ Почувствуй, как горит в моей груди светлое пламя, как охватывает сердце! Обнять его, быть объятою им, могущественный брак с ним заключая! Хейяйохо! Гране! Приветствуй господина своего! Зигфрид! Зигфрид! Гляди! Жена приветствует тебя благословеньем!

Я сел на лавочку под яблоней напротив „Красного Салона“. По-соседству шумели алкоголики, боевитая баба выясняла, кто наплел, мол она спала с (имя забыл):

– Используй свой моззззггг! – она вопила, будто опыляла окружающую среду собственной непристойностью, - чтоб я спала с кокаинщиком! Лучше уж в обнимку с мусорным бачком!

На лужайке под железной скульптурой „Разбойное Колесо“ – эта метка взломщиков означает „шухер“ – расположился драматург Ансельм Ленц с девушкой и картонками. Я подошел было попреветствовать коллегу, но тот вскочил, вытащил складную линейку и закричал, мол, надо держать два метра, два метра. Хорошо. Я отошел к алкоголикам. Ансельм взял картонную коробку с Основным Законом и стал раздавать тексты прохожим.

АААААААААА КОЛЕСО

Это была публичная акция, политический протекст против карантина, свидетельством чему оказались сотрудники правоохранительного аппарата. Они подбежали ко мне и потребовали покинуть площадь. Лошадь. Я иду. Я не бегу. Привет Якоб! Снова мусора пакуют меня, тащат и распластывают ветрувианского человека на борту ментовского бобика.